

Антон Нечаев

ПАКИЦЕТ

Я впервые увидел его, странного, несуразного, с сильным дельфиним хвостом и маленькими копытцами, в Википедии, когда ринулся восполнять очередные внезапно открывшиеся пробелы в образовании. Серега, догнав меня на лестнице, поинтересовался, с подковыркой, геологическими периодами, запомнить которые для меня всегда было сложностью. Все эти девоны, карбоны и кембрии не вызывали в голове никаких ассоциаций, не привязывались ни к чему, и поэтому, попадая на секундочку в мозг, тут же из него испарялись. Владеть информацией в современном мире не такое уж достижение, утешал я сам себя, это прежде за информацией стояла усердная, усидчивая работа, поиск источников, недели в библиотеках, а сейчас... Стукни по клавишам, и через мгновение все, что знает Вселенная, прямо перед тобой. И «Улисс» сейчас, да и тривиальная эрудиция не удивит никого. Но он — он поражает. Необычный, загадочный, в то же время сам отвечающий на загадку, ведь мало кто верил, что ряд животных вернулись в море, скептики требовали предоставить им переходный вид, что-то сухопутное и морское в одном организме, и тут возник он, хищный, проворный, сильный, стремящийся в глубину, отвергающий общий вектор движения. Серега продолжал ехидно допытываться про стратиграфическую шкалу, а я восхищенно пялился на картинку, мысленно отмахиваясь от упрямого надоеды, всей фантазией, всей душой устремившись в древние времена, когда по земле бродило это своевольное независимое животное. И ни обуздать ведь его, бормотал я, ни оседлать, ни заставить работать. Всей своей волчьей, оленьей, кабаньей, китовой наружностью он извещает: мне с вами не по пути. И если мы стадом, толпой стремимся к вершине, среди наших лиц, рыл, морд виднеется, ускользя, упрямый, упругий хвост пробирающегося в обратном направлении зверя.

— На Калинина новый винный магазин открыли, — сквозь облачный пар разгулявшегося воображения услышал я голос Сергея, — может, сходим, посмотрим?

Сергея, кандидат физических наук, специалист по уфологии и полтергейсту, в отделе геологии откровенно скучал, ему не хватало общения. Чтобы привлечь к себе интерес, завязать разговор, он периодически едва слышно стучал ногой по столу, изображая робкого барабашку, но я, к сожалению, не интересовался паранормальной жизнью. Совсем.

Мы спустились на первый этаж, где за стеклом вахты скучал охранник-пенсионер Слава.

— Начальство сейчас приедет, — бросил он нам вслед.

Перед выходом Серега замялся.

— Начальство приедет, а нас нет. К тому же у меня есть пара вопросов к Губилову. Может, ты один в магазин сходишь? Если что, я в доле, ну и по поводу ассортимента — звони, чтобы вместе решить.

Мысли о пакиците не выветривались у меня из головы, и я был рад пройтись в одиночестве.

За стальными пятиметровыми воротами, защищающими территорию от посторонних, ожидал внедорожник начальника.

— Почему не открываете, изверги? — полушутя, полусердито пробурчал Игорек.

— Слава спит, а я в магазин, Серега ждет приезда Губилова. По-сигналь, может кто-нибудь и услышит.

Игорек кивнул и начал что есть мочи давить на клаксон. Под непрекращающиеся сигналы я свернул за угол, подошел к мистическому перекрестку.

Около десяти лет назад пьяная компания молодых людей на «гелике» сбила на этом перекрестке заведующую отделом Серафиму Степановну. Машина протащила ученую, кандидата наук, около пятидесяти метров по улице, шансов на спасение не было. А подвыпившая молодежь и не заметила смерти старушки. Однако через четыреста метров машина-убийца по непонятной причине перевернулась, все, кто был внутри, моментально погибли. Их ужасную гибель оплакивал весь город.

Я старался улицу в этом месте не пересекать. После той аварии перекресток оборудовали светофором, и некоторым водителям приходилось теперь притормаживать, когда горел красный, но ос-

новной поток так и несся, увлеченный собственной мощью и скоростью.

— Никакой мистики, просто хамство и глупость, пренебрежение не только своей, но и чужой жизнью, — бормочу я себе под нос, пытаюсь выдавить из реальности ее необъяснимую составляющую.

Но просто так ощущение иноприсутствия не уходит. То там, у дальнего светофора, то посреди дороги мне мерещится призрак старушки, немой, полупрозрачный силуэт, сквозь который пролетают машины. Магазин находится на другой стороне улицы, и пересечь опасный участок необходимо, в противном случае придется совершить приличный крюк по району, в котором тоже небезопасно. «Калинина рулит» — начертано на ограде, за которой скрывается построенный еще японскими военнопленными двухэтажный домик-руина, заселенный недоброжелательными наркоманами.

Я выбираю третий путь, предпочитая магазину через дорогу небольшой супер вверх по улице, где хоть и цены повыше, но жители поспокойнее, и опасных перекрестков с ю.историей на пути не встречается. Возможно, именно так и поступил бы древний независимый пакицет.

На другой стороне мужчина интеллигентной внешности за остановкой, в ожидании троллейбуса, справлял большую нужду. Редкие прохожие, стараясь не смотреть в его выпученные сумасшедшие глаза, ускоряя шаг, проносились мимо. Минуту я наблюдал за этим буддистским действием. До нужного магазина было еще около пятисот метров, но торопиться мне было некуда: весь рабочий день впереди. Мужчина, не торопясь, исполнил все необходимые процедуры, выпрямился, застегнул измазанные глиной или чем-то похожем штаны, помахал мне рукой. Я, сделав вид, что не замечаю его приглашающего к общению жеста, двинулся дальше, боковым зрением приметив по правую сторону от мужчины расплывчатый силуэт старушки. «Вот опять, — досадливо морщусь я на новое вмешательство потустороннего мира, — почему эти призраки не могут никак успокоиться?»

Невдалеке замаячил троллейбус, старушка ласково взяла мужика под локоть, подвела к краю дороги. Я с трудом сдержал порыв броситься на помощь несчастному, убережь его от неугомонного привидения, желающего отомстить всем живым, но чем бы я мог помочь? Чертов безумец не только не поверил бы мне, а, скорее

всего, попросил бы денег или просто отнял бы их у меня, пригрозив ножом-выкидухой, который в районе Калинина есть у каждого. А деньги именно в тот момент мне были нужны, ведь я собирался приобрести в магазине бутылку чего-нибудь веселящего, и на работе меня ждал Серега.

Троллейбус, покачиваясь, подплыл к остановке, встречные потоки пассажиров смешались, и я потерял странную пару из виду. Когда автобус отъехал, на остановке уже никого не было. Секундочку, я точно видел, что к остановке приближался троллейбус, серый, потертый, неторопливый, как все троллейбусы в мире. И никакого автобуса рядом не было. Как же вышло, что на остановке случилась такая подмена? Или это у меня произошел сбой в восприятии, возможно, я отвлекся на что-то еще, более близкое, на моей стороне улицы, или туманная тень пакицета помутила мое сознание, перепутала вещи, погрузила во временную дыру... Пакицет и временная дыра — связь тут, безусловно, просматривается, ведь на месте пакистанского кита в эволюции, как ее видят ученые, существовал пробел, который, собственно, пакицет и прикрыл своим спасительным появлением. Он будто связал эпохи, как иголкой, своим пружинистым мускулистым телом. И та же иголочка потянула время назад, в первоначальную стихию, в которой когда-то давно появились первые микроскопические организмы.

— Мужик, ты не доведешь меня до дома? — раздался голос с края дороги. На низком заборчике, огораживающем газон, сидел приличного вида парень. — Третью неделю пью, понимаешь, все нормально было. А сегодня вышел в магазин, и ноги отказали. Вот присел на забор, и ни вперед, ни назад.

Я огляделся, поблизости никого, и рассказ его походил на правду. На простом, неглупом лице застыла тихая блаженная радость, без признаков беспокойства или тревоги. Вопреки отказавшимся подчиняться ногам. Но это можно понять: три недели приятного отдыха, который организовал себе парень, создали ему благостное настроение. Я предложил ему на меня опереться, и мы двинули к ближайшему зданию. Ноги действительно его не слушались, волочились за ним бесполезные, как веревки; он едва на них опирался.

Во дворе на детской площадке дети играли в бутылочку. Похоже, бутылочка выбрала не ту пару, поскольку заплаканная дев-

чушка лет пяти-шести непрерывно восклицала, раскачиваясь, как в мантре: «Не хочу целоваться с Сашей, не хочу целоваться с Сашей». В полуметре от нее, опустив голову, стоял расстроенный Саша, а остальные три-четыре ребенка дергали девочку за рукава красной кофты, требуя соблюдать правила. Но завидев нас, вползающих в обнимку во двор, детишки оставили свои игры и бросились к нам наперегонки.

— Дядя Толя, дядя Толя, — как оглашенные кричали они, — что с тобой случилось?

— Ничего, родные мои, мои хорошие, — ласково улыбался им повисший у меня на плече парень, — захворал немножечко, видите? Вот добрый человек мне помогает.

— Слушай, — обратился он ко мне вполголоса, — я им всегда конфет покупаю, вот и сейчас в магазин за конфетами шел, да не дошел. Будь другом, купи им конфет немного, а я пока тут на лавочке посижу, оклемаюсь. Вот тебе деньги. — И он протянул мне пятисотрублевую бумажку.

Я осторожно дотащил его до скамейки, взял купюру.

— А каких конфет-то купить?

— Все равно, они все кушают. Только много не бери, для здоровья вредно, да и баловать чересчур деток тоже ни к чему. Купи рублей на двести, а остаток себе возьми, хороший ты человек, помог мне. Иди, а я посижу, с детками пообщаюсь да с голубками поразговариваю.

Глянув на детвору, застывшую в сторонке в ожидании моей реакции, я похлопал паренька по плечу и развернулся назад к магазину, куда направлялся до этого. За моей спиной раздалось громогласное детское ура. Я помахал детишкам рукой, словно обещая, что скоро вернусь со сладостями, хотя совсем не был уверен, что сумею вернуться. Некогда мне разносить по дворам конфеты — на работе меня ждал Серега.

Лавируя между машинами, хаотично припаркованными во дворе, я вышел к скособоченной беседке еще советских времен, зашел внутрь, присел на лавочку. Пахло сыростью и гнилой древесиной, точно так же, как в тот вечер в этой же самой беседке, когда Наташа позвала меня погулять.

— Ты не хочешь обратить на меня внимание, — обидчиво-утвердительно заявила она по телефону, когда я уже шагал домой.

— Очень хочу, — покладисто отвечал я, — но в данный момент я иду в главный корпус.

— Но ты же вернешься? До конца рабочего дня еще четыре часа.

— Конечно, вернусь, — обещал я.

Возвращаться не хотелось, но Наташа была красива.

Она много времени проводила у меня в кабинете, изучая нашу рабочую программу. Усаживалась в мое кресло, упиралась грудью в край моего стола, разводила в стороны плечи. Я сидел по ее правую руку, делая вид, что увлечен причудливым устройством программы, а на самом деле вдыхал запах ее духов и изо всей силы сдерживался, чтобы не кунуть ее обнаженную руку. Иногда она вела меня в свой кабинет, и мы вместе вносили в компьютер данные из архивов, я диктовал ей из пыльных потрепанных книг наименования и номера, она, сидя напротив, стучала пальчиками по клавиатуре. В конце каждого часа работы ей необходимо было вытянуться, размять мышцы, поговорить о чем-то, не связанном с нашей непосредственной деятельностью. Подобные разговоры, она считала, повышают концентрацию и продуктивность. Примерно в середине такой работы она скидывала туфли и оставалась босой до конца дня, а туфли, как правило, со стельками золотого цвета, валялись у меня под ногами, нежно блестя, словно крохотное и недостижимое созвездие.

В беседке она дала подержать себя за руку. Я попытался ее поцеловать в губы, но было уже темно, да и она повернула голову, поэтому удалось ее чмокнуть лишь в район переносицы, на что она естественно и незамедлительно рассмеялась.

— Ты неловкий, — констатировала она.

Я почувствовал, что краснею, и возблагодарил Всевышнего и мэрию за отсутствие фонарей на улицах. В темноте она не заметит мое смущение. Но она заметила, она была очень умная девушка.

— В темноте не видно, но я знаю, что ты покраснел, — прямо заявила она.

Я, жалкий глупец, зачем-то стал отпираться вместо того, чтоб улучшить свое стратегическое положение попыткой нового поцелуя.

Мы пошли вдоль речки Бугач, где тихо плескались ондатры, мимо частных домов, вдоль высокой бетонной ограды наркологического диспансера. Невдалеке шумела оживленная магистраль. По пути нам встретился сонный теленок, который привязался к нам

как собака, некоторое время шел следом. «Потерялся, наверное», — рассеянно думал я, совершенно забыв о Наташе. Но выйдя к трассе, при свете уличных фонарей, я увидел ее глаза, полные слез.

— Что такое, что случилось с тобой? — разволновался я, беспокоясь, не обидел ли я ее чем-нибудь.

— Ничего страшного, — лепетала девушка, вытирая слезы, — просто этот бычок... Он напомнил мне родину.

Кто-то легонько похлопал меня по плечу. В беседке стояла девушка, что отказывалась целоваться с Сашей.

— Ты не пошел за конфетами? — расстроено спросила она.

— Уже иду, милая. Устал вот немного, присел отдохнуть.

— Но ты же принесешь нам конфет?

— Конечно, — я кивнул и поднялся с лавочки.

— Принеси поскорее.

Глаза этой девочки напоминали глаза теленка, того, что заставил плакать Наташу.

На крыльце магазина стоял Губилов, озабоченно шаря в карманах.

— Что-то случилось? — Я хлопнул его по плечу.

— Да вот люди просят добавить им на бутылку. Обычно я ничего не даю в таких случаях, но эти заслуживают поощрения. За честность. Ведь могли же соврать, что на хлеб или, допустим, жена захворала.

— А я тоже как раз за бутылкой пришел. Мы с Серегой решили выпить немного.

— Дело хорошее, — одобрил Губилов, — только, кажется, у меня нет с собой денег, только карта, — он растерянно развел руками, — а я ведь так хотел помочь бедолагам.

— Я возьму это на себя, — успокоил я шефа.

В стороне топтались двое хмурых, нервных мужчин. Я подошел к ним с купюрой.

— А тот чего же? — хрипло спросил один из них. — Нам тот обещал денег. А тебя мы не знаем. Может, ты мент?

— А его вы знаете?

— Его тоже не знаем, но он не мент, это точно.

— Кто же он?

— Он порядочный человек. Слесарь, наверное, или сварщик. Скорее, сварщик, потому что лицо умное.

— Ну, как хотите, — развернулся я в сторону магазина.

— Постой, мужик, извини, совсем мой товарищ сбрендил, — подключился к разговору второй, — жена у него болеет, он и не соображает ничего от волнения. Дай нам, пожалуйста, денежку.

Я протянул купюру второму.

— А пьете вы что? — поинтересовался я. — Что в магазине берете?

— В магазине ничего не берем и тебе не советуем, отравы там одна. Мы у бабки Марьи чистый спирт покупаем, лучший напиток на свете.

— А где проживает старушка?

Один из них назвал адрес.

— Если хочешь, мы отведем тебя туда, представим, а иначе она не пустит, она пускает только знакомых.

Поблагодарив, я вежливо отказался. Зачем я вообще узнавал адрес бабки Марьи? Знаю зачем: чтобы поговорить с мужиками подольше, потянуть время, дожидаться, когда Губилов выйдет из магазина: мне не хотелось покупать бутылки при нем. Однако разговаривать стало не о чем, и мужики, понятно, спешили к своей расчудесной бабке, к ее волшебному спирту.

— Пойдем мы, — как-то робко, недружным хором объявили они. — И это... Ты не думай, мы все вернем до копейки, вот увидишь. При первой возможности...

«Ага, конечно», — скептически усмехнулся я и, вздохнув, вошел в магазин.

В магазине Губилова не было. У прилавка с конфетами сгрудилась недавняя уличная детвора. Завидев меня, девочка с глазами теленка, завопила истошно, указывая на меня пальцем:

— Вор, он украл наши деньги!

Вся детская шайка в один голос ее поддержала:

— Вор, вор, вор!!!

Я застыл в растерянности у входа, кассирши и продавщицы поглядывали на меня осуждающе, краем глаза я заметил приближение охранника у меня за спиной. Отступать было поздно. На мое запястье легла стальная, накаченная ладонь.

— Спокойнее, гражданин, без резких движений. Сейчас во всем разберемся, — услышал я предостерегающий голос охранника. Менеджер уже куда-то звонил. — Я бывший старший оперуполномоченный с самым высоким в нашем районе процентом раскрытия преступлений по горячим следам, — продолжил вещать охранник мне в правое ухо, — сейчас ты увидишь, как работают профессионалы. Жулик, — зачем-то добавил он.

— В чем проблема, детишки? Только не все сразу, кто-то один. Вот ты, — новоявленный дознаватель взглядом указал на девочку, — рассказывай!

— Он украл наши деньги, — завизжала девчонка, — проверьте, у него в правом кармане наши пятьсот рублей.

Охранник извлек из моего кармана мятую пятисотку, победоносно на меня глянул.

— Вся проблема наших следственных органов в том, что они слишком затягивают расследование. Большинство дел можно раскрыть в течение первых пяти-десяти минут с момента совершения преступления, — назидательно обратился охранник к замершему в восхищении торговому залу. — Петя, звони ментам! —скомандовал он немного ошалевшему от круговерти событий менеджеру.

— Уже, — заикаясь, пролепетал Петя, — однако, они сказали, что надо подождать, сегодня день урожайный на преступления.

— Всегда у них так, — проворчал охранник, пряча пятисотку себе в карман, — когда они до зарезу необходимы, их нет. Ты откуда здесь взялся вообще? Живешь рядом или работаешь?

— Работаю в квартале отсюда.

— А к нам зачем заявился?

— С коллегой решили маленько отдохнуть да обсудить накопившиеся рабочие проблемы.

— Видать не на что отдыхать-то было, поэтому деток по дороге ограбил?

— Не грабил я никого, это они попросили...

— Ладно, ладно, не заливай, — перебил меня бывший оперуполномоченный, — сейчас к тебе на работу пойдем, здесь тебя все равно держать негде. Там ментов и дождемся. И не вздумай рыпаться, только хуже будет.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".